

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСТОКА

**Выпуск 1
(1932)**

**ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

1932

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР • ЛЕНИНГРАД

после его исследования выясненной. Что же касается подзаголовка этого исследования, формулирующего тему более широко, то полного ответа без привлечения ряда материалов в определенных областях он получить еще не может.

И. Крачковский.

Л. 2 IX 1931.

Ходададэ, Ахмед. Крестьянская доля. Повесть о персидской деревне. Перевод с персидского В. Тардова. М.-Л., ГИХЛ, 1931, Тир. 5000 экз. (Серия «Новинки иностранной литературы»). Предисловие А. Шехри).

Выпуск в свет ГИХЛ'ом долгожданного перевода «Крестьянской доли» следует всячески приветствовать.

Книга Ходададэ не только является для каждого товарища, работающего по современной Персии, в особенности же по аграрному вопросу в этой стране, незаменимым материалом, правдиво и полно рассказывающим о крепостной закабаленности персидской деревни, стонущей под игом феодально-помещичьего гнета¹, но и наносит сокрушительный удар досужим разглагольствованиям оппортунистов всех мастей и оттенков, пытающихся, в связи с рассуждениями о реформах вообще, протащить и тезис о проводимых, якобы, различных аграрных реформах и мероприятиях, улучшающих положение персидского крестьянина. На основании этих оппортунистических разговоров, появляются пре-

тендующие на научность «концепции», пытающиеся смазать и затупевать ту огромную роль, которую суждено сыграть персидскому крестьянству как союзнику персидского пролетариата в грядущей буржуазно-демократической революции. Проповедуя реформизм и выступая на практике против аграрной революции, оппортунисты пытаются замаскировать свою реакционную позицию причитанием о «забитости и несознательности персидского крестьянина», мешающих ему принять участие в политической жизни страны, о его «отсталости и малокультурности», наконец о том, что участие крестьянства в том или ином революционном движении является «вымыслом», а в лучшем случае «ошибкой, недоразумением».

В поисках за прочным базисом для своих разглагольствований, оппортунисты обычно выдвигают в качестве примера персидскую революцию 1906—1911 гг., в которой крестьянство, якобы, совершенно не участвовало. Неверность такого утверждения совершенно очевидна: стоит только вспомнить крестьянские восстания в Гиляне и Мазендеране (в тех же районах развертывалась в 1919—1921 гг. Гилянская революция), сопровождавшиеся убийствами помещиков, конфискацией их земель, порубкой лесов и т. д., героическая почти двухлетняя борьба азербейджанских бедняков-издольщиков против своих угнетателей — наминских ханов, ряд вспышек аграрного движения в центральной и южной Персии, повсеместные отказы крестьян в уплате налогов и податей правительству и помещикам и пр.¹ Важную

¹ До сих пор мы имели по этому поводу лишь серию пошло-экзотических романов типа «сочинения» Ю. Слезкина «Бронзовая луна», смазывающих и искажающих действительную картину персидской деревни. Из этого халтурного хлама выгодно отличается лишь талантливая и серьезная книга Г. Дунаевского «Ворота Востока», посвященная персидской деревне в эпоху мировой войны (гогод).

¹ См. Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии, изд. мин-ва ин. дел, СПб., 1911—1913, вып. I—VII (особенно вып. I); английские «Синие книги» и др. Данные об участии крестьянства в революции 1906—1911 гг. по грузинским источникам имеются

роль персидского крестьянства в революции 1906—1911 гг. подметили еще некоторые исследователи современники. Вот что писал в 1908 г. Н. Е. Кудрин.

«В тяжелой и необеспеченной жизни персидского земледельца заключается одна из главнейших причин того успеха, который нашло освободительное движение в широких слоях населения, жаждущего мало-мальски человеческого существования» (Старый и молодой Иран. Причины персидской революции и первые шаги ее. Русское богатство, 1908, № 1, стр. 73).

Но оппортунисты не успокаиваются: видя себя побитыми на всех своих позициях, они стараются подкопаться под марксистско-ленинскую точку зрения на аграрный вопрос в Персии. Цепляясь за свой тезис о «реформаторской» роли нового режима в деревне, они шепчутся о том, что положение персидского крестьянства улучшается, о чем-де свидетельствует значительное количество «хордэмалеков», т. е. мелкопоместных крестьян, владеющих собственными земельными наделами, не понимая, что известный рост кулацкой верхушки означает не улучшение, а наоборот, еще большее ухудшение положения основных крестьянских масс.

Ложь и этого последнего «коронного номера» самым красноречивым образом разоблачается книгой Ахмеда Ходалада.

Охватывая период времени приблизительно с конца XIX в. и вплоть до 1924—1925 г., вышедшая в 1927 г. в Керманшахе «Крестьянская доля» яркими красками рисует процесс обезземеления крестьянства и мобилизации земли в руках крупных помещиков.

Являясь бесхитростным рассказом керманшахского крестьянина-курда, на

спине которого свежи еще рубцы от кнута помещика, каджарского сатрапа и «прогрессивной», по мнению оппортунистов, нагайки пехлевийского чиновника, книга Ходалада приобретает особую убедительность. При этом, значение «Крестьянской доли» как убийственного документа против оппортунистов всех толков и оттенков таково, что нам представляется не лишним привести из нее несколько наиболее ярких цитат. Особенно характерны страницы, где Ходалада разоблачает персидский парламент, с трибуны которого помещики и феодалы с удвоенной жадностью «легально» грабят крестьянские массы. «Я понял», восклицает он, «как я ошибался, когда тешил себя мыслью, что у нас есть парламент, премьер, министр внутренних дел, министр иностранных дел, министр просвещения, юстиции и всякие другие министры, и, что лучше всего, журналисты-глашатаи народной правды, — вожди партий. Теперь, когда я видел все своими глазами, я знаю, что все это те же духовные и светские тунеядцы, которые в каджарскую эпоху сидели на шее народа, те же враги трудящихся, рабочих и всей нации, только переменившие обличье. Недаром за все 17 лет, что прошли со дня конституции, наши всегда «обремененные делами» заступники и радетели в Меджлисе не издали ни одного закона, который хоть немного облегчил бы положение крестьянства. Напротив, даже подтвердили, что отнять у помещиков власть над крестьянами было бы «нечестием». Пусть, мол, грабят, как им вздумается. И они грабят, и грабят без конца, точно совершая дело благочестия, достойное всяких наград... Оттого-то на широком персидском просторе у крестьянина нет ни кола, ни двора, ни приюта. Оттого-то крестьянин не может уйти от помещика, разве что

в сборнике АЗГНИИ «Ближний Восток», № 1 за 1931 г.

ночью, как вор. Это было бы «нарушением всех человеческих прав», «попращением национальных устоев»... Оттого-то каждый помещик имеет бесспорное право поступать с своими крестьянами как ему вздумается. Благоденствие крестьян основывается на законах, создаваемых помещиками... В прошлом — могущественные правители и владельцы силою обращали своих крестьян в своих пленников, а в случае сопротивления попросту зарывали их живыми в землю возле своих дворцов. Теперь, — в эпоху «свободы», мелкие помещики из купцов и капиталистов покупают и продают крестьян вместе с именьями, как скот, — кто за товар, с обмером вдвое, кто на деньги, нажитые ростовщицеством, двойными процентами. И когда крестьянин, у которого помещик захотел отнять жену, убегая от позора, захочет уйти от него в другое место, помещик вытаскивает его расписку с отпечатком мужицкого пальца, — документ важнее подписи всех мулл, ахундов и муштеидов — и начинает подсчитывать, сколько крестьянин ему должен. И всегда оказывается, что на покрытие долга не хватает всего его крестьянского добра. Что же ему делать? Умирать с голоду с малыми детьми...»

Вот как описывает Хоададэ закабаленность крестьянина помещиком:

«Положение крестьян известно, оно одно и то же по всей Персии: подобно своим предкам, они пахут землю самодельной сохой, на паре быков, работая... под жгучим солнцем и в зимнюю стужу, высевая от 2 до 5 батманов (батман — около $7\frac{1}{2}$ ф.) зерна на запашку, смотря по местности и по участку. Потом крестьянину приходится несколько раз давать пшенице воду; затем, когда она поспеет, крестьянин жнет ее в самый зной, возит на гумно, молотит, веет, сеет. И тогда

является помещик или помещичий приказчик и отбирает $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{4}$ или $\frac{1}{5}$ часть — долю помещика. Так как во всей Персии не существует на этот счет точного закона, то в каждом блоке (уезде) и даже в каждом селении действует свой собственный закон: где делится на 5 частей, а где и пополам.

С крестьян берут еще от 20 батманов до 1 харвара (100 батманов) зерна, смотря по месту, «податные», потом 10 батманов так называемых «цакари» (подать на содержание «пакаров» — десятников), десять батманов «мираби» (плата за пользование водой для искусственного орошения полей), несколько батманов за охрану от воробьев и на всякие другие надобности, вроде вывоза мусора, приготовлений для религиозных процессов и прочего, сколько именно, это уже зависит от «справедливости» помещика.

Кроме того, каждый крестьянин, засеявший клин в деревне, должен дать помещику 5 туманов наличными деньгами, батман масла, 2 вьюка дров, 2 вьюка горной травы, 4 вьюка соломы, 2 вьюка степных колючек для топлива, 2 батмана масла для освещения, 4 кур, 2 десятка яиц, одну козу или овцу и 2 недоуздки; это составляло священное право помещика. Кроме того, нужно по мере возможности убогатворять приближенных барина: кому дать масла, кому сыру, кому курицу, иначе, того и гляди, оговорят перед хозяином, и тогда прощай и честь и имущество».

Но этим далеко не исчерпывается длинный список повинностей, которые несет персидский крестьянин. Сюда следует еще отнести бесплатную постройку дома и летней дачи для помещика, кормление помещика и всей его челяди во время объездов имения, охоты и т. д., расчистка дорог, облава всей деревней на дичь и многое другое.

Потрясающее впечатление производят страницы книги, где Холададэ останавливается на охватившем страну в конце мировой войны ужасающем голоде, который феодально-помещичья клика ловко сумела использовать в интересах обогащения своего кармана.

И даже здесь, говорит Холададэ, народные «радетели» — персидские правители нашли себе источник дохода, и миллионы голодающих бедняков пали жертвой их алчности. Основывая комитеты «благотворительности», бывшие на самом деле комитетами по истреблению людей, они собирали возле себя в городах бедноту... и наживали огромные деньги на кормлении голодающих. Ретивые уполномоченные их рыскали по всей стране, забирая у крестьян пшеницу и ячмень. Возражать и спорить было бесполезно. Хозяину зерна приказывалось везти его в город, там ему давали по 50 туманов за харвар, в то время как зерно ценилось в 100. Остальные 50 шли, как пожертвование, в пользу голодающих. Тогда, пересыпав эту пшеницу в бидоны из под керосина, «спасители народа» отправляли ее в другой город, где можно было продать ее подороже...»

Вслед за хищными лапами феодала и помещика, к крестьянскому горлу со всех сторон жадно тянутся ненасытные щупальцы кулака,¹ правительственного чиновника, муллы и дервиша, словом, целой шайки паразитов, пьющих мужичью кровь.

На всех этих язвах крестьянской доли останавливается Холададэ, и читатель начинает с полной реальностью себе представлять кошмарные условия существования персидского крестьянина, на

худые плечи которого обрушилось теперь еще новое тяжелое бремя — жестокий экономический кризис.

Интересно также описание жизни кочевников и той двойной эксплуатации, которой они подвергаются со стороны власти и собственной феодально-племенной верхушки.

Ярко вырисовывается все презрение и ненависть персидского шовинизма в отношении нацменьшинств, вся гнусность политики натравливания и провокации. Приведем, в виде примера, хотя бы следующую характерную цитату из рассказа Бахтияра, героя «Крестьянской доли», о своей поездке в один из городских центров.

«Деревенщина! Курд! Лур! Казалось, они не считают нас за людей. С скверной руганью они толкали крестьян, в особенности тех бедняков, что привозят на продажу дрова, уголь, овчий помет и дуг (кислое молоко). Вместо приветов их встречают руганью, вместо гостеприимства и ласки они видят лишь пинки и колотушки».

После целого ряда превратностей и несчастий, Бахтияр, доведенный до отчаяния, вместо того, чтобы вступить на путь революционной борьбы со своими угнетателями, бежит из деревни в город.

Заканчивая книгу и перечисляя все те способы, какими эта многоголовая гидра дармоедов, паразитов и прихлебателей высасывает из крестьянина последние соки, Холададэ заканчивает свою повесть следующим, полным самой мрачной безнадежностью, восклицанием:

«Поистине жизнь трудящихся теперешней Персии можно сравнить с жизнью крестьян в древнем Риме... Но у них нашелся вождь-освободитель, нашелся Тиберий, который посвятил делу их освобождения всю жизнь. И его страст-

¹ Автор приводит интереснейшие примеры деятельности кулаков-предпринимателей при сборе кетеры (стр. 84—87).

ные призывы и его героизм разбили их рабские цепи. У нас же в Персии нет никого, кто посмел бы сделать хоть шаг к освобождению своих братьев. И нет для крестьян исхода, и не на кого им надеяться, потому что нет и не может быть надежды на народных „вождей“, которые думают только о своих парках и особняках».

Таким образом, Ахмед Хоадада, разочаровавшись в мнимых «вождях» из чуждых и враждебных классов, прошел мимо той революционной борьбы, которая, в лице непрекращающихся крестьянских и племенных восстаний и усиливающихся организованных выступлений растущего промышленного пролетариата (напр., забастовка 1929 г. рабочих на английских нефтяных промыслах, на текстильной фабрике «Ветен», ряд первомайских и других демонстраций и выступлений), охватывает всю Персию багровым заревом.

Просмотрел Хоадада и тех подлинных вождей трудящихся масс, которые вырастают из их недр и ведут эти массы на революционную борьбу.

Книга Хоадада является ярким литературным документом, свидетельствующим об угнетенности положения персидского крестьянина, но никакого выхода из этой помещичьей кабалы он не дает.

Показать этот выход, показать, что это может быть лишь путь вооруженной борьбы персидского крестьянина в союзе и под руководством пролетариата против феодально-помещичьего строя и господства империализма, путь аграрной революции — такова одна из важнейших задач современной персидской революционной пролетарской литературы.

К сожалению, в этом направлении ничего еще не сделано. Даже революционный журнал «Сетарэ-йе-Сорх» (Красная Звезда) печатает в своем лите-

ратурном отделе одни лишь стихи, если можно так выразиться, чисто «декларативного» характера. До сих пор нет ни одной повести, ни одного очерка или рассказа, которые бы в диалектическом единстве изобразили героическую борьбу персидского пролетариата и крестьянства против своих классовых врагов и звали бы эти массы на последнюю решительную схватку.

Такая литература возникнет.

Еще несколько слов. — Перевод «Крестьянской доли» выполнен превосходно. Остается пожелать, чтобы был поскорее напечатан другой перевод В. Г. Тардова — роман *Каземи* «Техран-е-Мехуф» (Страшный Тегеран), дающий картину персидского города.

Жаль, что ГИХЛ снабдил «Крестьянскую долю» совершенно не отвечающей содержанию книги обложкой.

Ф. Росточин.

Wilson, Lt.-Col. Sir Arnold T. A Bibliography of Persia. Oxford and the Clarendon Press. 1930. Pp. IX+253 in 8°. Price 20 s. net.

Техника библиографического дела шагнула далеко вперед, и мы знаем какие требования мы должны предъявлять к библиографическому труду. Прежде всего, должна быть исключена случайность и должна быть выдвинута целевая установка. В библиографиях, касающихся Персии, мы нуждаемся давно; все то, что имелось до сих пор, — а этого было очень мало, — было весьма неудовлетворительно. Естественно поэтому, что, когда появилось объявление о библиографии Уильсона все ждали с нетерпением появления этой книги. К сожалению, приходится признать, что наши ожидания не